

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ ВЫХОДА В СВЕТ «ИДЕЙ К ЧИСТОЙ ФЕНОМЕНОЛОГИИ И ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ» ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

В 1913 г. Эдмунд Гуссерль опубликовал первую книгу «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии». Представленный в этой работе проект трансцендентальной феноменологии определил последующее развитие философии. Исследования Гуссерля оказали влияние на возникновение фундаментальной онтологии Хайдеггера, герменевтики Гадамера, в феноменологическое движение оказались вовлечены крупные университетские центры не только в Германии, но и за ее пределами. Феноменология — это метод философского исследования и одновременно радикальная попытка понять идею философии как идею строгой науки, основанием которой является критика теоретического, практического и аксиологического разума. Именно поэтому феноменология продолжает оставаться в центре внимания философов. В этом номере мы предлагаем вниманию читателей статьи, которые посвящены ряду проблем, поставленных в знаменитой работе Гуссерля.

УДК 101.1 + 111 + 1 (09)

А. Б. Паткуль

ПОНЯТИЕ ОНТОЛОГИИ В «ИДЕЯХ I» ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

В статье поставлен вопрос о присутствии онтологического измерения в феноменологии Э. Гуссерля. В связи с этим дана реконструкция значений термина «онтология» в «Идеях I» философа. Особый акцент сделан на проблеме различия формальной и материальных онтологий.

Ключевые слова: Гуссерль, «Идеи I», формальная онтология, материальная онтология, региональная онтология, регион, конституирование.

Преобладающая тенденция интерпретации философии Эдмунда Гуссерля, в особенности в русскоязычном философском пространстве, относит эту философию по большей части к такой рубрике, как эпистемология, теория познания.

Казалось бы, обстоятельство это не должно удивлять: едва ли какой другой мыслитель в минувшем столетии столь последовательно продумывал темы, и в теперешних наших классификациях представленные исключительно в качестве теоретико-познавательных, — субъективность, сознание, интенциональность, очевидность, восприятие, созерцание, значение и пр. Да и сам Гуссерль уже в «Предисловии автора» к первому тому «Логических исследований» указывает на то, что он «был втянут в проблемы общей логики и теории познания» [2, VI]. И уже тогда эпистемологические проблемы мыслились им как самые фундаментальные: без их решения, по мнению Гуссерля, было бы невозможно разрабатывать какие бы то ни было проблемы в сфере философии, включая даже сугубо формальные проблемы чистой логики. Он сам признается: «Не найдя ответа в логике на вопросы, уяснения которых я от нее ждал, я в конце концов был вынужден совершенно отложить в сторону мои философско-математические исследования, пока мне не удастся достичь бесспорной ясности в основных вопросах теории познания и в критическом понимании логики как науки» [Там же]. Именно поэтому автор «Логических исследований» сам оценивает то, что он представляет в названном труде как выступление «с попыткой нового обоснования чистой логики и теории познания» [Там же].

Похоже, характеристика Гуссерля как философа по преимуществу эпистемологического всецело подтверждается словами самого философа. И указанная тенденция в интерпретации его философии оказывается полностью обоснованной, а преобладание ее — оправданным и заслуженным. Но при всем этом с неизбежностью возникает следующий вопрос. Если основателя современной феноменологии волновали в первую очередь теоретико-познавательные проблемы, то каким образом вышло так, что, развивая именно его методологическое учение, многие выдающиеся мыслители создали или по крайней мере развернуто спроектировали философские образцы, которые ими самими были недвусмысленно обозначены как онтологические? Конечно же, на первый взгляд это всего лишь исторический казус и самооценка создателей таких образцов; оценка, с которой сам Гуссерль, вероятно, и не согласился бы (см., например, [7]). Тем более что он предостерегал нас и от аргументации с помощью фактов в сфере идей, а исторические казусы могут как раз служить наилучшим примером фактов в этом смысле. Но все же не намекают ли названные историко-философские факты на то, что онтологическая тенденция уже присутствовала, пусть и имплицитно, в феноменологической философии Гуссерля *по существу*?

В самом деле, даже при поверхностном знакомстве с материалом становится очевидным, что ни фундаментальная онтология Мартина Хайдеггера, ни критическая онтология Николая Гартмана, ни феноменологическая онтология Жана Поля Сартра не были бы возможными без заранее проделанной Гуссерлем методологической работы. Можно было бы сказать, что все последующие онтологии надстраиваются над результатами теоретико-познавательных исследований Гуссерля, опираются на них, обосновываются ими. Но этому противоречит то, что онтология, которую выдвигали на первый план указанные авторы, мыслилась ими как первая философия, которая сама фундирует все прочие науки, как философские, так и нефилософские, но не основывается ни

на какой другой. (Разумеется, Н. Гартман говорил об онтологии как *o philosophia ultima*, что, по-видимому, противоречит идее первой философии, но при таком возражении следует обязательно учитывать контекст, в котором Гартманом вводится подобная трактовка онтологии, — контекст различия первого самого по себе и первого для нас.)

Стало быть, мы оказываемся вынужденными предположить, что и в философии Гуссерля — со всеми ее фиксациями на субъективности, сознании, интенциональности, созерцании — уже имелось онтологическое содержание, которое затем в разной степени и на разный лад раскрылось в философских опытах его последователей. И если в мышлении Гуссерля за установкой сугубо эпистемологической оказывается трудно разглядеть установку, ориентированную на онтологию, то не возникает ли эта трудность из-за *условности* существующих рубрикаций — условности, которая и самого основателя современной феноменологии вынудила идентифицировать разрабатываемую им проблематику прежде всего в качестве теоретико-познавательной? Нельзя ведь исключать, что онтология и теория познания как дисциплинарные понятия вообще не являются понятиями, полученными посредством деления некоторого гипотетического более общего понятия, например понятия философской науки, *на одном и том же* основании. А значит, возможен и такой оборот дела, что у названных понятий вообще различный, скажем несколько метафорически, логический вес; и вообще они не должны — как всякие корректно полученные члены деления — исключать друг друга.

Возможно, понятия онтологии и теории познания — понятия разноуровневые, и переход от одного к другому, ввиду более общего понятия, представляет собой скачок. За сформировавшейся условностью стоит тот предрассудок, что мы всегда уже имеем дело со вполне обоснованным различием равноправных сфер — объективного, а под ним заведомо понимается совокупность всего телесно-природного, и субъективного, которое трактуется как сфера сознания, кстати, взятая чаще всего в сугубо эмпирико-психологическом смысле. Первая из них, таким образом, в качестве предметной области ставится в соответствие онтологии, вторая — теории познания. Но, быть может, — а поставить этот вопрос феноменология нас как раз и мотивирует, — это различие, при всей его уже сложившейся для нас самоочевидности, не вполне адекватно и, выражаясь словами Хайдеггера, требует *деструкции*, под которой имеется в виду «критический демонтаж (*Abbau*) перешедших к нам понятий, которые мы поначалу поневоле вынуждены применять, вплоть до тех истоков, из которых они почерпнуты» [3, 28]? Допустимо предположить, что онтология и теория познания — это вообще некоторые перспективы, возможно заданные предметно, в которых с разных сторон может быть рассмотрена одна и та же сфера. В том числе *онтологически* могут быть рассмотрены и те области, которые в некритической установке заранее были причислены к ведению теории познания. Стало быть, и такие «предметы», как субъективность, сознание, восприятие, могут представлять не только чисто эпистемологический, но и онтологический интерес, следовательно, могут быть рассмотрены в философской науке чисто онтологически.

Можно ли извлечь подобный вывод из работ Гуссерля? Ответить на этот вопрос удастся, только если реконструировать то, как сам философ понимал онтологию, какой смысл он вкладывал в этот термин.

В этой связи первая книга «Идей к чистой феноменологии и феноменологической философии» имеет особую ценность, поскольку именно здесь основатель современной феноменологии активно использует само понятие онтологии в контексте своего учения. И при этом задает те разные смыслы, в которых термин «онтология» вообще может пониматься, — смыслы, во многом предопределившие и последующие направления употребления названного термина. В силу этого в настоящей статье дальнейшее внимание будет сосредоточено на реконструкции гуссерлевского понимания онтологии в «Идеях I» — с прицелом на то, чтобы в дальнейшем можно было сделать более общие выводы относительно трактовки сущности онтологии как в более поздних работах Гуссерля, так и в трудах других авторов, принадлежащих феноменологическому направлению.

Начать реконструкцию гуссерлевского понимания онтологии можно с указания на примечание самого автора «Идей», которое он дает одному пассажу в § 10 этого произведения. Здесь Гуссерль утверждает, что ранее, например в «Логических исследованиях», он воздерживался от употребления термина «онтология». Но по контексту можно догадаться, что, несмотря на отсутствие самого имени, сущность именуемого им теперь онтологией была достаточным образом раскрыта уже в этом, более раннем его произведении. Если быть более точным, философ говорит следующее: «Тогда (т. е. в период «Логических исследований». — А. П.) я еще не решился принять сомнительное по историческим причинам выражение “онтология” и (см. с. 222 первого издания) обозначил это исследование как фрагмент “*априорной теории предметов как таковых*”, что А. фон Мейнинг сократил до “Теории предмета”. В отличие от прежнего, принимая во внимание изменившуюся ситуацию, я считаю правильнее вновь вернуть права старинному выражению “онтология”» (1, 51, прим. 8). Действительно, в первых «Логических исследованиях» Гуссерль если и употребляет термин «онтологический», то в совершенно ином смысле, который, как это отмечает он сам, заимствуется им у Криса и предназначен скорее для обозначения того, что сам Гуссерль мог бы назвать науками о фактах — в их противоположности, если опять-таки использовать терминологию Криса, наукам номологическим [2, 205–206].

Из приведенного же фрагмента гуссерлевского примечания становится ясно, что по крайней мере в некотором смысле философ видел в онтологии *теорию предметности*; и, вероятно, этой теории он приписывал *априорный* характер. Если же теперь обратиться к тому предложению, к которому сделано указанное примечание, то будет видно, что онтология, понимаемая в качестве теории предметности, ближе всего по смыслу учению о *категориях*. Так как именно последние суть то, что конституирует предметность *как* предметность; раскрытие таковой связано прежде всего с фиксацией и раскрытием содержания категорий.

Сказанное дает основание исходить, по меньшей мере в качестве гипотезы, из того, что в «Идеях I» для Гуссерля онтология — это учение об *априорной категориальной структуре предметности как таковой*.

И все же при всей видимой адекватности подобного определения понятия онтологии в гуссерлевских «Идеях» оно влечет за собой серьезные трудности. Трудности, связанные уже с содержательной трактовкой этой первоначально сугубо формальной характеристики. И связаны эти трудности не с возможными ошибками в интерпретации данного и зависимых от него гуссерлевских положений, но с двусмысленностями, которые присутствуют в самом тексте «Идей». Двусмысленности эти не являются результатом невнимательности или каких-то упущений автора книги: они акцентируются им самим, причем по научно принципиальным соображениям. Возможно, даже сами колебания Гуссерля в отношении того, какое имя дать формируемой им дисциплине — «теория предметов» или «онтология», — не случайны, ибо каждое из этих названий несет в себе весьма определенную и очень сильную смысловую нагрузку. Если быть точным, нельзя сказать, что два этих термина суть лишь два знака для полностью тождественного содержания; и основание для выбора одного из них состоит лишь в большем удобстве его употребления или, как пытается внушить сам Гуссерль, в зависимости, какова исторически «изменившаяся ситуация». Более того, можно было бы даже усилить гипотезу, предположив, что и споры вокруг сущности онтологии и месте ее среди как философских, так и позитивно-научных дисциплин у последователей основателя современной феноменологии обусловлены в самую первую очередь теми акцентируемыми им самим двусмысленностями, которые рельефнее всего обнаруживаются именно в тексте «Идей I».

Фундаментальная двусмысленность в отношении понятия онтологии в качестве учения об априорной категориальной структуре предметности как таковой заключается в том, что, как выясняется, *у Гуссерля нет одного единственного и универсального понятия предметности, которая составляла бы собственное поле исследований философской онтологии*.

Показательным образом двусмысленность понятия предметности у Гуссерля видна на примере неоднозначности его понимания сущности категорий — конститутивов предметности как таковой. В упомянутом уже § 10 «Идей I» он заявляет следующее: «Категория — это слово, которое, с одной стороны, в словосочетании “категория такого-то региона” отсылает именно к соответствующему региону, например к региону “физическая природа”; с другой же стороны, сопрягает соответственно определенный *материальный регион с формой региона вообще*, или же, что равнозначно, с *формальной сущностью “предмет вообще”* и принадлежащим к нему “*формальными категориями*”» [1, 48]. Приведенной цитатой отчетливо показывается, в чем состоит двусмысленность понятия категории и соответственно понятия предметности у Гуссерля в данной работе.

Во-первых, под предметностью может пониматься предметность того или иного, *но всегда какого-то определенного* региона. В этом смысле предметность каждого из регионов содержательно задается своей собственной, только для нее характерной категориальной структурой — структурой, которая не может быть присуща никакому другому предметному региону. Это, в свою очередь, означает, что нет и не может быть никакой содержательно определенной универсальной предметной области; соответственно — никакого философского учения о такой

области, никакой универсальной онтологии в содержательном плане. Ни какой-либо регион, спроектированный на все остальные или подчинивший себе их, например благодаря последовательно проведенной редукции последних к первому, ни даже все они, вместе взятые, не могут составить сущностного универсального предметного поля, а стало быть, являться собственным предметом универсальной философской науки.

Во-вторых же, под предметностью может пониматься, как говорит Гуссерль, «*предмет вообще*» — предмет в отвлечении от всех определенных содержательных свойств. Так понимаемый предмет трактуется в гуссерлевской феноменологии в качестве *чистой формы*, некого нечто вообще, или, как это еще называет Гуссерль в § 59 «Идей I», «*квазирегиона*» [1, 181]. Философ пытается описать формально понятую предметность так же, как и *формальный регион*, который он противополагает регионам в собственном смысле, т. е., в терминологии Гуссерля, *материальным регионам*. Но такая попытка требует от него множества оговорок, в которых отмечается, что термин «*регион*» применительно к чистой форме предмета не берется здесь в его точном и собственном значении, что он употребляется по аналогии с содержательными регионами.

Довольно пространно Гуссерль замечает: «Коль скоро так, можно склоняться к тому, чтобы вместо того, чтобы говорить о регионах вообще, как это делалось раньше, говорить о материальных регионах, приставляя к их ряду теперь еще и “*формальный регион*”. Однако подобный способ выражаться нельзя принимать без известных предосторожностей. С одной стороны стоят *сущности материальные*, и в известном смысле они и есть “*настоящие*”, в собственном смысле, *сущности*. С другой стороны свое место занимает хотя и нечто эйдетическое, однако в самой своей основе отличное от первых — это *простая сущностная форма*, — хотя и сущность, но только совершенно “*пустая*”, сущность, которая, как *форма пустая, подходит ко всем возможным сущностям*, которая в своей формальной всеобщности подчиняет себе все, даже и наивысшие материальные всеобщности, предписывая им — через посредство принадлежащих к ней формальных истин — *законы*. Итак, получается, что все-таки так называемый “*формальный регион*” — это не что-то скординированное с материальными регионами (регионами вообще), что *он, собственно, не регион, а пустая форма региона вообще* и что все регионы со всеми их содержательно-сущностными обособлениями стоят не рядом с ним, а, скорее (хотя и только *formaliter*), *под ним*» [Там же, 49].

Известное преимущество пустой формы предметности, в отличие от содержательных или, как говорит Гуссерль, материальных регионов, состоит в том, что она не распадается на некоторое множество несводимых друг к другу типов предметности и соответственно уже может выступать темой единой и универсальной философской онтологии. Но такое безусловное ее преимущество оплачено отказом от содержательности — как самой предметности, так и посвященной ей дисциплины, т. е. онтологии. Такова базовая двусмысленность Гуссерля в учении о предметности: предметность — это либо *определенная* содержательная предметность, либо *универсальная* пустая. Затруднение усиливается еще и тем, что в первом случае учение о некотором типе предметности никогда нельзя

будет редуцировать к учению о другом типе предметности, и всякий раз частные онтологии смогут оспаривать друг у друга право на место некоей преимущественной онтологии. (Тенденция эта, кстати говоря, будет позднее очень хорошо видна на примере так называемой *философской антропологии* как региональной онтологии человека, претендующей на место фундаментальной философской дисциплины.) А во втором случае — что к учению о чистой форме предметности, как окажется, должны быть отнесены не только чисто логические категории, но равным образом и категории значения. Причем так, что «что чистые истины значения можно обратить в чистые истины предмета» [1, 51].

В силу этого при гуссерлевской постановке вопроса об онтологическом познании мы не можем не столкнуться с — теперь уже совершенно недвусмысленной — апорией: *в качестве априорной теории предметности могут быть построены либо универсальная, но бессодержательная, чисто формальная, либо содержательные, но только частные, онтологии.*

Первый тип философской онтологии Гуссерль — в полном соответствии с особенностью предметности, с которой они сопоставлены — называет *формальной онтологией*. «Таковая, — говорит он, — как мы знаем, есть эйдетическая наука о предмете вообще» [Там же, 50]. Более подробно этот формальный «предмет вообще» автор «Идей» определяет так: «Предмет же в этом ее смысле — это все и каждое, и для всего этого и могут быть установлены бесконечно разнообразные истины, распределяющиеся по всему множеству дисциплин материсса» [Там же]. Следует подчеркнуть, что категории, характеризующие пустую форму предмета вообще, некоего нечто, — это, согласно Гуссерлю, всегда аналитические категории. Развивая эту данную философом характеристику, можно было бы сказать также, что сама формальная онтология есть *аналитическая онтология*. В аналитической онтологии происходит, по словам Гуссерля, следующее: «Как логические категории, или категории логического региона “предмет- вообще”, мы и определяем теперь встречающиеся в... аксиомах чисто логические основополагающие понятия — те, какими в совокупной системе аксиом определяется логическая сущность предмета- вообще, или же те, какие выражают безусловно необходимые и конститутивные определения предмета как такого, некоего нечто — постольку, поскольку вообще должно быть так, чтобы было некое нечто» [Там же].

Формальной онтологии как аналитическому учению о предмете вообще противопоставляется в «Идеях I» второй тип онтологий — *материальные онтологии*. Онтологии такого типа раскрывают категориальную структуру того или иного предметного региона, а потому могут быть названы также *региональными онтологиями*. Гуссерль вводит это понятие в § 9 данной работы следующим образом: «Любая конкретная эмпирическая предметность вместе со всеми своими материальными сущностями подчиняется соответствующему *наи высшему* материальному роду, “*региону*” эмпирических предметов. Тогда чистой сущности региона соответствует *эйдетическая наука региона*, или же — так тоже можно сказать — *онтология региона*» [Там же, 45]. Само же понятие региона он определяет и далее поясняет так: «Регион есть не что иное, как *совокупное, принадлежащее к одному конкрету, наивысшее родовое единство*,

следовательно, сущностно единое сочетание наивысших родов, принадлежащих низшим дифференциациям внутри конкрета. Эйдетьеский объем региона охватывает идеальную совокупность конкретно единящихся комплексов дифференций этих родов, индивидуальный объем — идеальную совокупность возможных индивидов такой-то конкретной сущности» [1, 61]. Позднее он фактически повторяет в § 59 свою исходную характеристику региональной онтологии, иллюстрируя ее примерами: «Любой регионально изолируемой сфере индивидуального бытия соответствует, в предельно широком логическом смысле, определенная онтология, — например, физической природе соответствует онтология природы, животной природе — онтология всего животного...» [Там же, 181]. Именно этим «материальным онтологиям противостоит «формальная» онтология (единая с формальной логикой мыслительных значений), и ей, в качестве квазирегиона, принадлежит «предмет вообще» [Там же].

В отличие от формальной онтологии материально-региональные онтологии не являются аналитическими — они воспроизводят в себе *синтетическое* знание о конституции той или иной предметной области. Хотя при этом, так же как и формальная онтология, она является сугубо *эйдетьеским*, т. е. заведомо нефактическим, и значит, априорным знанием. Но если в случае чистой формы предмета речь идет об аналитическом априори, то в случае материи определенного региона — о синтетическом. «Всякая региональная сущность определяет «синтетические» сущностные истины, т. е. такие, какие основываются в ней как такой-то родовой сущности, не будучи при этом простыми обособлениями формально-онтологических истин», — пишет Гуссерль [Там же, 62]. Но эти синтетические априорные знания касаются у Гуссерля не формы предмета, а материи, *эйдоса* той или иной предметной области.

Синтетическое априори представляет собой содержательные, а не только чисто формальные, категории, в которых заведомо мыслится тот или иной предметный регион. Благодаря этому Гуссерлем значительно модифицируется и ставшее уже традиционным после Канта учение об априори как о только формальном; использование представления о синтетическом априорном знании как знании о материи того или иного региона позволяет феноменологически говорить также и о *материальном априори*. Еще сильнее учение о материальном априори будет акцентировано — причем именно в противовес кантовскому априорному формализму — у другого видного феноменолога — Макса Шелера, который, критикуя формальную этику Канта, пытался создать материальную этику ценностей [4, 259–337]. Небесполезно отметить еще и то обстоятельство, что Мартин Хайдеггер считал открытие нового смысла априорности в феноменологии одним из трех фундаментальных ее открытий, наряду с интенциональностью и категориальным созерцанием.

Возвращаясь теперь к самому понятию региональной онтологии, укажем, как именно Гуссерль понимает сущность данной дисциплины и ее устройство. Он пишет: «Самая суть основывающихся на региональной сущности синтетических истин составляет все содержание региональной онтологии. Совокупная суть основополагающих истин среди всех них, *региональных аксиом*, ограничивает — и дефинирует для нас — совокупность региональных категорий. Эти поня-

тия не просто, как вообще все понятия, выражают обособления чисто логических категорий, но они отмечены тем, что в силу региональных аксиом они выражают *специфически* принадлежное региональной сущности либо же выражают эйдетической всеобщностью то, что непременно подобает индивидуальному предмету данного региона “априорно” и “синтетически”. Применение подобных (не чисто логических) понятий к данным индивидам есть применение аподиктически и безусловно необходимое, к тому же упорядочиваемое региональными (синтетическими) аксиомами» [1, 62].

Приведенные характеристики региональных онтологий провоцируют вопрос об их конкретном соотношении с онтологией формальной, а значит, о соотношении материального типа категорий с категориями формальными. Ведь, как только что было показано, «эти понятия... как и вообще все понятия, выражают обособления чисто логических категорий», ведь сугубо формально и они сказываются о некотором нечто, о чем вообще что-то может быть сказано, а стало быть, подчинены и формальным категориям «предмета вообще». Такая, пусть и только формальная, подчиненность категориям пустой формы предмета вообще обуславливает и своего рода подчиненность региональных онтологий формальной. Автор «Идей» пишет об этом так: «Такое подчинение материального формальному оказывается в том, что *формальная онтология в то же самое время скрывает в себе формы всех возможных онтологий вообще* (всех “настоящих” “материальных” онтологий), что она *предписывает* всем материальным онтологиям *общую для всех них формальную устроенность* — включая сюда и все то, что обязаны изучать мы в эту минуту, — различие региона и категории» [Там же].

Но, с другой стороны, подчинение материальных онтологий формальным остается только на уровне формальности, ни в коем случае не касаясь собственного содержания региональной эйдетики. Такое подчинение не идет дальше предписания формы устройства, структуры материальной онтологии. Дедуцировать же конкретное содержание региональной эйдетики из формального первопонятия «предмет вообще», по мысли Гуссерля, представляется невозможным. Кстати говоря, признание такой невозможности Гуссерлем следует противопоставить некоторым попыткам произвести подобного рода выведение содержательных понятий в качестве обособлений общего понятия о предмете, предпринятых в рамках классического немецкого идеализма. Ведь, с точки зрения основателя современной феноменологии, «“синтетические” сущностные истины» не являются «*при этом обособлениями формально-онтологических истин*».

Таким образом, неизбежно встает вопрос о внутренней архитектонике онтологических учений у Гуссерля — если, с одной стороны, региональные онтологии подчинены онтологии формальной, а с другой стороны, по своему содержанию из нее невыводимы. Гуссерль, конечно, дает *ближайшее* решение этого затруднения. Но такое решение оказывается как раз только формальным или внешним. А именно он пишет: «При этом *формальная онтология* входит, со стороны внешней, в один ряд с региональными (собственно “материальными”, “синтетическими”) онтологиями. Ее региональное понятие “предмет”... определяет формальную систему аксиом, а тем самым и совокупность формальных

(“аналитических”) категорий. В этом и заключена оправданность параллели, несмотря на все подчеркнутые существенные различия» [1, 63].

Проблема состоит еще и в том, что в последней главе «Идей I», где Гуссерль переходит-таки к обсуждению собственно архитектонических проблем, и здесь понятие формальной онтологии им существенно расширяется [Там же, 459]. Так, Гуссерль начинает говорить о формальных онтологиях во множественном числе, например о «формальных онтологиях ценностей», оговаривая, впрочем, в отношении их предметов, что «...с позиции универсальной аналитической онтологии — это материально определенные предметы, а принадлежащие им “формальные” онтологии ценностей и практических предметностей — материальные дисциплины» [Там же]. Правда, несмотря на обозначенное расширение понятия формальной онтологии, можно с достаточной долей уверенности сказать, что центром этой дисциплины или, скажем так, формальной онтологии в ее строгом универсальном смысле остается учение, основанное прежде всего на *формальной апофантике*. Только в формальной онтологии положения апофантиники путем трансформации их смыслового статуса, а именно путем методически проведенной онтизации, получают уже значение положений о самом предмете как таковом, а не просто формально-логических суждений. Такое обращение очень хорошо видно по следующему месту из «Идей I»: «Любой формально-логический закон можно обратить, путем поворота, в закон формально онтологический. Тогда мы судим: вместо суждений — о положениях дел, вместо членов суждения (например, именных значений) — о предметах, вместо значений предиката — о признаках и т. д. И речь уже не идет об истине, о значимости предложений суждения, но о и составе положений дел, о бытии предметов и т. д.» [Там же, 458].

Вместе с тем для Гуссерля формальная онтология не исчерпывается только обращением формальной апофантиники. В нее включаются, разумеется также в специфически обращенном виде, равным образом и математические дисциплины, основание для чего философ прекрасно иллюстрирует на примере понятия *множества* как базового понятия математики. Понятия, которое вместе с тем можно было бы поставить в соответствие с грамматическим *плюралисом* апофантических суждений. «В суждениях во множественном числе множественное выступает как тезис множественности. Путем обращения в имя это множественное число становится предметом “множество”, и так возникает основополагающее понятие учения о *множествах*. В таковом выносят суждения о множествах как предметах, обладающих своеобразными видами свойств, отношений и т. д. Это же значимо и для понятий “отношения”, “количественное число” и т. д. — как основополагающих понятий *математических дисциплин*» [Там же, 458–459]. В итоге у Гуссерля понятие формальной онтологии очень сильно сближается с понятием *mathesis universalis*. Хотя для этого феноменолога весь корпус *mathesis universalis* сам по себе не должен сосредоточивать на себе внимание философских исследователей: «Феноменологию интересуют лишь аксиомы и понятийный состав таковых, дающий рубрики для феноменологических анализов» [Там же, 459].

Здесь, кстати говоря, будет уместным вспомнить, что Алексей Григорьевич Черняков в частных беседах говорил автору настоящей статьи о том, что исток

редукции всякой онтологии к математической теории множеств в *ZF* версии таковой у Алена Бадью, исследованию философии которого Черняков много времени посвящал в последние годы своей жизни, находится именно в гуссерлевском отождествлении формальной онтологии с *mathesis universalis*, понятой в максимально широком смысле. Одни из вопросов, который должен в этой связи адресоваться Бадью, заключался бы в том, как быть в случае редукции онтологии к *mathesis universalis* эйдетьескими онтологиями как материально-региональными. В этом смысле у самого Гуссерля невозможно найти тенденцию к подобной редукции. Пожалуй, напротив, в его феноменологии заключено стремление к высвобождению региональной эйдетики из-под власти универсальных, но при этом исключительно формально-математических отношений. Ведь и сам основатель современной феноменологии отчетливо понимал, что эйдетьеские отношения вида и рода не могут быть редуцированы к чисто формально-математическим отношениям множества и элемента множества. Формирование или, лучше сказать, удержание такого понимания следует признать одной из важнейших заслуг учрежденного Гуссерлем направления, ибо как раз такого понимания сильно недостает многим представителям так называемой современной философии, пытающимся ограничить любую философию исключительно аналитическими исследованиями формы.

Что касается самого Гуссерля, то он видит переход к эйдетьеским онтологиям в том, что «каждый предметный регион конституируется по мере сознания» [1, 460]. Сам этот регион как сознанный способен задать условия для формирования соответствующей ему материальной онтологии: «Любой регион предоставляет руководящую нить для особой, замкнутой группы исследований» [Там же]. Таким образом, коль скоро всякий регион задается его сознанием и, будучи определенным образом сознанным, сам «представляет собой руководящую нить для... исследований», задача феноменологически построенных региональных онтологий состоит в том, чтобы прояснить и, возможно, решить «проблему всеобщего “конституирования” предметностей региона... в трансцендентальном сознании, или же, выражая это короче, феноменологического конституирования... вообще» [Там же, 461].

Непосредственно в тексте «Идей I» Гуссерль касается, да и то бегло, в качестве иллюстрирующего примера проблематики *конституирования* в сознании такого региона, как «вещь природы». На этом примере он хочет показать, как в трансцендентальном сознании осуществляется сама схема конституирования любой региональности. Но уже материалы, изданные под титулом «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга вторая: Феноменологические исследования конституции» (далее — «Идеи II»), содержат детальное рассмотрение философом типа конституирующей деятельности трансцендентального сознания, связанной с образованием различных региональных особенностей.

Задача Гуссерля состоит в том, чтобы, коль скоро конституция каждого предметного региона зависит от соответствующей конституирующей деятельности сознания, показать, что образованию каждого типа региональной предметности соответствует особый вид конституирующей активности сознания,

несводимый ни к какому другому виду его активности. Ученик Гуссерля и исследователь его философского творчества Людвиг Ландгребе указывает на следующий момент в гуссерлевском понимании конституции предметных регионов: «Стало быть, необходимо обратить внимание на то, что речь о бытийных регионах имеет место только ввиду... существенно необходимой корреляции со способами сознания их смысла, в которых сущее определенного [seiner] региона в каждом случае приходит к данности, и что [оно] вообще не могло бы быть дано другим способом. А это только и оправдывает наши различия между бытийными регионами, коль скоро они должны быть чем-то иным, нежели обобщением уже эмпирически сформированных понятий» [8, 147].

В итоге в «Идеях II» Гуссерль выделяет и, надо сказать, вполне традиционно, три региональных уровня, конституированных различными модусами деятельности трансцендентального сознания: 1) материальная природа, 2) живая природа (*animalische Natur*) и 3) духовный мир. Причем слои эти надстраиваются друг над другом, и каждый предыдущий онтически фундирует каждый последующий. В связи с дальнейшим разворотом сюжета здесь следует обратить внимание на то, что в finale «Идей II» автор их прямо указывает на онтологическое преимущество последнего, казалось бы, всецело производного и фундированного региона — духовного мира: ведь этот мир онтически был бы совершенно невозможен, если бы не основывался уже в порядке своего существования на двух более фундаментальных слоях — неживой, чисто материальной природе и природе живой.

Но, с точки зрения Гуссерля, имеют место границы ставшей уже вполне привычной натурализации духовного. Дух — в известной перспективе — может рассматриваться как существующий безотносительно к двум чисто природным регионам, которые в онтическом смысле, возможно, и являются его субстратами. В заключительном параграфе «Идей II» философ пишет: «Из прежних рассмотрений вытекает граница возможной *натурализации*: дух может пониматься как зависимый от природы и даже натурализироваться, но только до определенной степени. Однозначное определение духа посредством только природных зависимостей, редукция к чему-то подобному психической природе, некоему аналогу в целом способе определения с целью однозначного естественно-научного определения немыслимы» [6, 297]. И продолжает далее: «Дух определен посредством своего окружающего мира и он даже управляет сообразно природе. <...> Но это не препятствует тому, что он *есть абсолютно, иррелятивно*» [Там же].

Если же теперь вернуться к исходной постановке вопроса о том, может ли Гуссерль быть понят как онтологически мыслящий философ, а если да, то в каком из используемых им смыслов терминов «онтология», то этот исходный вопрос предстанет теперь в новом свете. Действительно, если имеют место быть только два нередуцируемых друг к другу типа онтологий — формальная и материальная, то онтология какого типа из этих двух названных могла бы в принципе описывать деятельность самого сознания, сообразного в своей конституирующей деятельности форме предмета вообще и вместе с тем конституирующего содержательные особенности регионов? Этот вопрос обостряется тем,

что, как следует из заключительного параграфа «Идей II», регион духовного — это особый регион, который обладает в себе самом абсолютным бытием, иррелятивным к своему предполагаемому природному субстрату.

На самом деле, уже и в «Идеях I» Гуссерль говорит о сфере искомого им трансцендентального сознания как именно о регионе абсолютного бытия, о новом бытийном регионе: в § 33 о поставленной им в поиске сферы несомненного цели он пишет: «...цель же мы можем обозначить так: *обретение нового бытийного региона, какой до сих пор не получал своих специфических границ...*» [1, 102].

Парадоксальность трактовки трансцендентального сознания как региона, таким образом, заключается в том, что, с одной стороны, оно рассматривается как «бытийный регион», а потому не может быть собственным предметом универсальной онтологии в ее формальном смысле. Но, с другой стороны, этот регион обладает абсолютным и иррелятивным статусом и *в известной мере* может быть рассмотрен как универсальный регион, в том смысле, что является единственной сферой конституирования любых региональных смыслов вообще. А стало быть, не может выступать собственным предметом региональной онтологии как всякий раз частной философской дисциплины.

Абсолютное сознание, как оказывается, *не может быть ни универсальной формой предмета вообще, ни одним из уже конституированных регионов*.

Показательным в «Идеях I» в этой связи служит как раз тот момент, что именно здесь Гуссерль предлагает в ходе последовательного осуществления редукций при достижении этого «нового бытийного региона» вывести из игры как формальные, так и материальные эйдетические дисциплины. И описание достижения «региона» абсолютного сознания, как и его имманентных структур, даже чисто методологически оказывается упреждающим по отношению к развернутому учреждению философских онтологий — и формальной, и региональных.

Мартин Хайдеггер увидел эту ситуацию несколько с другой стороны: он опознал в таком интеллектуальном подходе Гуссерля *упущение вопроса о способе бытия такого бытийного региона, как конституирующее сознание*. Например, во «Введении в феноменологическое исследование» Хайдеггер говорит, что «почва, на которой вообще имеют место смысл и право *certum esse*, покидается. Она просто-напросто погружается в забвение, не только впервые у Гуссерля, но уже в ходе всей следующей за Декартом философии. Весь онтологический остов как таковой вовсе неизвестен. И об этом явно не хотят ничего знать. *Cogito sum* становится свободно парящим» [5, 268]. Хайдеггер делает из этого глобальный вывод о том, что необходимо поставить вопрос о бытии интенционального и, посредством этого, — вопрос о смысле бытия вообще. Свою программу он пытается реализовать в проекте *фундаментальной онтологии*, в которой само понятие онтологии оказывается уже существенно трансформированным по сравнению с гуссерлевским. Во всяком случае, для этого философа онтология в ее универсальном смысле уже не имеет дела с чистой формой предмета, который вообще может выступать субъектом каких бы то ни было суждений. Она становится у Хайдеггера учением о конкретном смысле бытия *вообще*. Хайдеггер, кстати, сохраняет гуссерлевское понятие региональной онтологии, но противопоставляет ее уже не как его учитель, формально-онтологическому

исследованию, а герменевтической онтологии понимания бытия в целом. Очевидно, что хайдеггеровская модификация понятия онтологии является попыткой избежать парадокса, связанного с гуссерлевской трактовкой соотношения конституирующей деятельности абсолютного сознания и двух типов онтологий. Но вопрос заключается в том, является ли это решение *ближайшим*, вытекающим из собственной постановки ведущего философского вопроса у Гуссерля, или навязанным его феноменологии извне. Быть может, *сначала следовало бы адекватно прояснить сам смысл региональности* — в ее противоположности универсальности чистой формы, чтобы понять статус абсолютного трансцендентального сознания как — парадоксальным образом — *универсального региона*, в пределах которого осуществляется конституирование как чистой формы предметности вообще, так и регионов в строгом смысле — отдельных содержательно определенных предметных областей.

-
1. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая: Общее введение в чистую феноменологию. М., 2009.
 2. Гуссерль Э. Логические исследования. Часть первая: Пролегомены к чистой логике. СПб., 1909.
 3. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб., 2001.
 4. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994.
 5. Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd. 17 : Einführung in die phänomenologische Forschung. 2. Aufl. Frankfurt a/M., 2006.
 6. Husserl E. Gesammelte Werke. Bd. 4. Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Zweites Buch : Phänomenologischen Untersuchungen zur Konstitution. Haag, 1952.
 7. Husserl E. Randbemerkungen Husserls zu Heideggers *Sein und Zeit* // Husserl Studies 11 (1994).
 8. Landgrebe L. Seinsregionen und regionalen Ontologien in Husserls Phänomenologie // Landgrebe L. Der Weg der Phänomenologie. Das Problem einer ursprünglichen Erfahrung. Güterloh, 1963.

Рукопись поступила в редакцию 11 февраля 2013 г.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>